

Марина КРАВЕЦ

ПУШКИН, МАЗЛТОВ!

Очерковое эссе

Мой бывший начальник отмечал своё семидесятилетие в «Невском». Много лет этот ресторан располагался на трёх этажах дома №71 по Невскому проспекту, над станцией метро «Маяковская»; сейчас это место заняли «Токио-City» и бутики торгового центра «Невский Атриум». Сергей Васильевич, ЭсВэ, как в нашем отделе называли шефа, был настоящим самородком: отличный конструктор, талантливы́й изобретатель, он мог починить любую, казалось, безнадежно сломанную вещь; прекрасно пел, любил и знал природу... В советские годы осенью нас посылали в колхоз, благодаря ему эти две недели превращались в праздничные каникулы — и сейчас вспоминаю вкус грибной солянки из картошки с лисичками, это блюдо он научил нас, молодых, готовить в трёхлитровой банке с помощью кипятильника. ЭсВэ, наш любимый начальник, обладал, по его же словам, только одним недостатком — до самозабвения любил женщин; теперь мне кажется, что это достоинство... Он прошёл суровую школу жизни — родился в деревне на Новгородчине за семь лет до Великой Отечественной, рано потерял отца, в сорок пятом переростком пришёл в первый класс. Путь в школу — семь километров — лежал через лес, на последнем уроке он и двое одноклассников проверяли пугачи от волков; потом армия, женитьба, Политех, и работа, работа, работа. Но это совсем другая история...

Я получила приглашение на юбилей и стала думать, что надеть в ресторан и как поинтереснее поздравить любимого начальника. Помню, однажды перед Новым годом ЭсВэ признался мне в своей особой симпатии, тогда я была в красном платье, поэтому быстро определилась с выбором наряда. Затем достала из недр антресолей свою маленькую детскую гармошечку и стала сочинять частушки. Голос у меня, как говорили в школьном хоре, тихий, попросту говоря — отсутствует, а вдруг Малый зал, в котором намечалось празднование, окажется не таким уж малым? И я решила провести рекогносцировку на местности, отпросилась на работе и отправилась в «Невский». Поднимаюсь на третий этаж, а там в отдельном закутке-раздевалке при Малом зале меня встречает гардеробщик с пышными кудрявыми бакенбардами, в крылатке и цилиндре, в белых перчатках. «Здравствуйте, Александр Сергеевич!» — само вырвалось у меня, а он в ответ: «Вошел: и пробка в потолок, вина кометы брызнул ток; пред ним ростбиф окровавленный и трюфли, роскошь юных лет, французской кухни лучший цвет, и Страсбурга пирог нетленный меж сыром лимбургским живым и ананасом золотым. Еще бокалов жажда просит залить горячий жир котлет...»

Мне удалось вклиниться со своей просьбой в поток четырёхстопных ямбов, и он, улыбаясь и продолжая изъясняться онегинской строфой, провёл меня в Малый зал, который как нельзя лучше соответствовал своему названию. Пока я осматривалась, гардеробщик присел. Было душно, он снял цилиндр и вытер носовым платком пот со лба и начинающей лысеть макушки. Передо мной сидел немолодой доброжелательный человек еврейской наружности. Мы разговорились; Александр Сергеевич оказался Семёном Наумовичем. Это имя и отчество были мне приятно знакомы — у моей бабушки был родной дядя, и весёлый гардеробщик оказался его двойным тезкой.

Семён Наумович и Сима Ирмовна, мои двоюродные прадедушка и прабабушка, жили на Галерной улице в огромной семикомнатной квартире, в первые послереволюционные годы их собственной, а потом нерасселённой коммунальной. В двух небольших комнатах теснилась старинная лакированная мебель: почти всю спальню занимала огромная кровать с гнутыми «звериными» ножками, на которой около вышитых подушек сидела, спрятав ножки в ботиночках с пряжками под кремовое кружевное платье, старинная немецкая кукла, предмет моего вожделения и вечное табу. В смежной со спальней гостиной стоял французский комод-«буль», инкрустированный перламутром и небольшими пластинами чёрного дерева, и шкаф работы того же мастера; оранжевый абажур на длинном шнуре опускался почти до круглого

стола, на котором царил хаос из бюваров и разрозненных бумаг. У окна высились два неподъёмных кресла в серых полотняных чехлах, к ним жался малиновый бархатный пуфик. Мебель отражалась и множилась в напольном высоком фигурном зеркале, обрамлённом тёмной рамой с накладными деревянными виноградными лозами; по периметру зеркального стекла, переходя с рамы на амальгаму, были выписаны зелёные вьющиеся стебли и узорные листья. Посуда в буфете с резными дверцами тоже казалась необычной — сухарница с ажурным краем, чашки костяного фарфора на высоких ножках-стебельках, снаружи золочёные, внутри расписанные цветными бабочками; тарелки с медальонами, в которых резвились амурчики. Меня поражало присутствие домработницы, она стирала, покупала продукты, готовила, подавала на стол («Идите кушенькать!»), и иногда, протирая от пыли изящные статуэтки на камине, разрешала нам с сестрой поиграть с фарфоровыми пастушками. Непременные в такой обстановке часы с маятником вслух отсчитывали неумолимое время... Гораздо позже я узнала, что Семён Наумович был нэпманом, образованнейшим человеком, знал шесть языков; делом последних двадцати лет его жизни было составление полиграфического словаря. Моя бабушка критиковала своего дядю, в молодости он почти в открытую изменял Симе; помню, бабушка называла примету неверных мужчин — раздвоенный подбородок, ярко выраженный у Семёна Наумовича. Умер он в возрасте восьмидесяти шести лет, уже вдовцом, мне тогда исполнилось шестнадцать.

Интересно, что каким-то мистическим образом мой прадедущка был связан с Пушкиным. Женившись на прабабушке Симе в 1931 году, Семён Наумович переехал с улицы Рубинштейна на Галерную, 53, в тот же дом и спустя ровно 100 лет с того дня, когда сюда въехал Александр Сергеевич Пушкин со своей молодой женой Натальей Николаевной Гончаровой.

Прабабушка по образованию была химиком; на выцветших шёлковых стенах гостиной среди множества портретов, картин и картинок висела небольшая фотография в кожаной рамке — выпуск Технологического института, первый, в котором были женщины, в том числе Сима. Образование не пригодились, моя прабабушка никогда не работала, ухаживала за своим обожаемым эгоистом-мужем. В молодости Сима была очень красива. В нашей семье сохранилась история о том, как во время своего выступления в Филармонии Собинов лирический тенор с завораживающим голосом, кумир женщин — на концертах экзальтированные поклонницы заваливали его цветами, — преподнёс красавице Симе огромный букет, передал со сцены в ложу, где она сидела. Лицо моей прабабушки и в глубокой старости сохранило следы былой красоты, а в молодости, несмотря на большие зелёные глаза, рыжие вьющиеся волосы, ум и обаятельный характер, Сима не сразу завоевала Семёна, ей пришлось как следует поволноваться и поревновать, но это тоже другая история...

Семён Наумович — не прадедущка, а гардеробщик — оказался довольно предприимчивым человеком, не бизнесменом, конечно, но свой, как говорится, кусок хлеба с маслом имел и семью кормил. В годы перестройки он месяцами не получал и без того невыразительную инженерную зарплату; внимание Семёна Наумовича привлекли многочисленные «Петры Первые» и «Екатерины», прочёсывающие туристические места. Исторические персонажи и в холод, и в жару щеголяли в парадных камзолах, бальных платьях и париках и весьма назойливо останавливали прохожих. Именно тогда он додумался смастерить себе костюм пушкинской эпохи, а для усиления эффекта отразил бакенбарды и освежил в памяти стихи великого Поэта. Появившись в таком виде в ресторане «Невский» и «Литературном кафе» на Мойке (бывшей кондитерской Вольфа и Беранже, откуда Александр Сергеевич Пушкин отправился на дуэль), Семён Наумович быстро нашёл себе подработку. Всё это Пушкин рассказал мне, упаковывая в сумку картонные контейнеры с пирожными, которые принёс ему официант. Дневная смена заканчивалась, пришёл другой гардеробщик, и мы с моим новым знакомым вышли на Невский проспект; он продолжал декламировать и на улице. Народ весело реагировал на живой образ Поэта, многие просили разрешения сфотографироваться вместе. Свой самодельный костюм Семён Наумович не оставлял в подсобке ресторана, так как в свободные дни при хорошей погоде он подрабатывал Поэтом на Елагином острове. В Екатерининском саду дело не пошло, здесь были свои интриги — местные «Петр Первый» и «Екатерина» ревновали к чужому успеху.

В отличие от своего тёзки-нэпмана, Семён Наумович был примерным семьянином, каждый заработанный грошик нёс в дом; он поинтересовался, есть ли у меня дети. «Сын? — переспросил он, игнорируя дочь. — Давайте познакомим его с моей дочкой, очень хорошая девочка, — продолжал Пушкин довольно громко в вагоне метро, взгляды пассажиров были устремлены на крылатку и цилиндр. — Закончила «Кулёк», на курсе были всего несколько мальчиков, их быстро расхватили, а она у нас тихоня. Машеньке уже тридцать два, давно пора замуж». Мой сын был на десять лет моложе...

Тогда, после подробного рассказа о неудачном утеплении окон («Вы же понимаете, что такое дешёвый штапик»), Пушкин перешёл к теме здоровья. Оказалось, у Семёна Наумовича и по этой части были проблемы — сильно болело колено. Врачи советовали операцию, квота вот-вот будет получена. Но Семён Наумович боялся осложнений. «Делать операцию или не делать, как вы думаете?» — спросил он меня несколько раз подряд, пока мы ехали от «Площади Восстания» до станции «Финляндский вокзал». Пушкин жил около станции метро «Академическая», я — возле «Удельной», и мы расстались. Как раз недавно мой муж Володя успешно прооперировался в РНИИТО им. Вредена, тоже колено, и я обещала Семёну Наумовичу телефон нашего врача-хирурга. На следующий день вечером я услышала, как муж разговаривает с кем-то по телефону; это звонил Пушкин. «Какой-то странный человек, — сказал мне Володя. — Любит повторять одно и то же. Кто он такой? Назвался твоим другом...» Пушкин звонил нам через день, подробно расспрашивал мужа об операции, советовался, делать или не делать.

В день юбилея моего шефа я, в шёлковом красном брючном костюме, с цветами, подарком и гармошкой, пришла в «Невский». Пушкин был в ударе: вешая плащи и куртки на крючки, читал гостям отрывки из «Онегина». Улучив минутку, сразу спросил меня: «Делать или не делать, как вы думаете?» — «Делайте, Александр Сергеевич, пока вы ещё молоды, ведь зимой дуэль...» Нет, это не было кощунством по отношению к моему гениальному кумиру, и я не умею острить. Мне понравился этот своеобразный человек, заботливый муж и отец; казалось, мы с ним были давно знакомы. Семён Наумович не играл Пушкина — надевая крылатку и цилиндр, он перевоплощался, на время становился Поэтом.

Юбилей удался на славу: столы радовали изобилием, частушки приняли, было много воспоминаний — именинник даже прослезился, но это ещё одна история...

Так сложилась жизнь, что нам с мужем пришлось покинуть Петербург на долгие пятнадцать лет. Дочь вышла замуж за венгра, надо было помогать растить двойняшек. Банкет в «Невском» стёрся из моей памяти, сам виновник торжества уже был в лучшем из миров; происходили разнообразные события, появлялись новые заботы, и другая жизнь вытеснила милый образ чудака-гардеробщика.

Внуки подросли, мы вернулись в родной Петербург. Я очень соскучилась по городу, по своей прежней привычной жизни, остро хотелось побродить по любимым местам, увидеть родственников и друзей. Буквально через день после приезда мы с подругой назначили встречу на площади Искусств. Был тёплый осенний день, у памятника Пушкину фотографировалась небольшая группа туристов, среди них царило оживление. Конечно, я сразу узнала Семёна Наумовича... «Бегут меняясь наши лета, меняя всё, меняя нас...» Пушкин стал заметно старше своего великого прототипа; он немного прихрамывал, бакенбарды потеряли пышность и при солнечном свете слегка отдавали зелёным, наверное, Семён Наумович подкрашивал их басмой. Он вспомнил меня, обрадовался, но поговорить нам не удалось — подошла новая группа туристов, и Пушкина окружили. Подошла и моя подруга, бросилась обниматься, у неё был разработан план встречи — зайти в кассу Филармонии, потом в «Север», прогуляться по Невскому до Адмиралтейства. Я помахала Пушкину, он, на секунду перестав декламировать, крикнул мне вдогонку: «Зайнгезунд!»¹ — и образ Поэта заслонили спины приезжих.

Много раз надеялась встретить Семёна Наумовича возле аникушинского памятника, заходила и в Литературное кафе справиться о Пушкине, но персонал сменился, и на меня смотрели как на посетителя, задающего странные вопросы.

Перед отъездом в Венгрию я хотела подарить Пушкину одну из двух керамических тарелочек с рисунком Невского проспекта — приз, который я выиграла на конкурсе Гостиного двора благодаря моим Пушкиным. Стишки, написанные для конкурса, потерялись, а фото с Поэтом и тарелочки сохранились.

Дорогой Семён Наумович, дорогой мой Пушкин! Вдруг Вы сейчас раскрыли этот журнал и читаете рассказ о себе, тогда простите, если что не так; своим предприимчивым умом и артистизмом, добротой, преданностью семье Вы заслужили спокойную, радостную жизнь. Поэтому я очень надеюсь, что у Вас всё хорошо — Ваша дочь встретила надёжного, похожего на Вас человека, и Вы стали бабушкой; Вы поставили новые окна, и надеюсь, колено не слишком сильно болит...

Тогда мазлтов², Семён Наумович Пушкин, мазлтов!

¹ Будьте здоровы (идиш).

² Будьте счастливы (идиш).